

ВЛАДИМИР ШАРАПОВ

ШКОТАН — ПОСЛЕДНИЙ
ФОРПОСТ ГОСУДАРСТВА

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ
ЛЕОНАРДА КРЫНОВА

18+

Володимир Шарапов

**Шикотан – последний
форпост государства**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Шарапов В.

Шикотан – последний форпост государства / В. Шарапов —
«ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-98833-0

Летом 1993 года Анна Журавлева вместе с друзьями в составе студенческого стройотряда попадает на Шикотан. Местный паренек по прозвищу Луха становится их проводником. Во время захватывающего путешествия вокруг острова Анна едва не погибает в подводном туннеле и оказывается в бывших японских катакомбах, где хранятся большие запасы оружия и боеприпасов. Там она узнает, что Луха, чей дед героически погиб во время Курильской десантной операции, вместе со своими товарищами намерен использовать этот арсенал для защиты родного острова, чтобы помешать планам продажных политиков и военных передать его Японии. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-98833-0

© Шарапов В., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Предисловие	5
Стройотряд	7
Араданский хребет	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Володимир Шарапов

Шикотан – последний форпост государства

Предисловие

В конце декабря 2018 года мне позвонила старинная приятельница Аня, физик-ядерщик из моего родного новосибирского Академгородка. По трагической интонации ее приглушенного голоса я сразу почувствовал, что случилась какая-то большая беда.

– Володя, – сказала она после короткого приветствия, – наш Луха погиб...

Я почувствовал, что Аня едва сдерживается, чтобы не разрыдаться.

Луху я никогда не видел, но был немало наслышан о нем из ее рассказов. Они подружались в 1993 году на Шикотане, куда Аня поехала в составе студенческого стройотряда работать на рыбоконсервном заводе в Малокурильске.

Через пару минут я уже знал, как произошла трагедия. В пять часов утра на трассе Владивосток – Находка на одном из перевалов колесо узика Лухи угодило в яму, и машину выбросило с обледенелой дороги вниз на обочину; падая, она перевернулась и затем загорелась. У Лухи не было ни единого шанса...

Я отлично помню эту сложную трассу, которую, если не ошибаюсь, после войны строили пленные японцы.

В 1990 году я проходил срочную службу неподалеку от «Техаса». Так в советское время в народе называли небольшой закрытый городок Тихоокеанск, где находилась база ВМФ. Барак нашей роты стоял на вершине сопки. Оттуда хорошо было видно бухту. Время от времени над нею по ночам кружилась пара вертолетов с яркими прожекторами, обращенными к морю. В их ослепительном свете внизу вырисовывались хищные очертания атомной подводной лодки и авианесущего крейсера, название которого за давностью лет я уже позабыл.

По своим делам мы регулярно мотались в служебном фургоне по той злосчастной трассе и как минимум пару раз в неделю наблюдали перевернутые большегрузы или разбитые в хлам японские иномарки. Особенно опасной дорога становилась зимой. Во время буранов и гололеда ее всегда перекрывали сразу в нескольких местах, потому что в непогоду по скользкому асфальту забраться на перевал без цепей на колесах было практически невозможно, а спуск вниз на фуре превращался в настоящее самоубийство.

Аня попросила опубликовать несколько тетрадей ее студенческих дневников, в которых она описывала свои приключения с Лухой на острове Шикотан в конце лета 1993 года. От меня главным образом требовалось изменить имена большинства живых свидетелей той давнишней истории и заретушировать некоторые географические подробности месторасположений подземных сооружений, оставленных японцами. Там до сих пор в целостности и сохранности хранятся огромные запасы оружия, боеприпасов, ГСМ, бронетехники и даже один самолет-камикадзе, стоящий в полной боевой готовности на вырубленной в сопке взлетной полосе. Необходимо, впрочем, сказать, что вследствие катастрофического землетрясения 1994 года все входы в катакомбы были завалены и попасть в них теперь практически невозможно. Так, под обломками обрушившейся скалы оказался погребен туннель, предназначенный для захода подводной лодки в подземный док. Как вы сами скоро поймете, данное сооружение сыграло ключевую роль во всей этой истории.

Аня сказала мне – и я с ней полностью солидарен, – что было бы несправедливо не рассказать людям о человеке, для которого мало кому известный крошечный клочок суши на самом краю нашей огромной Державы стал последним форпостом. Вместе со своими друзьями Луха решил сражаться за Шикотан до последнего вздоха и до последнего патрона, в то время

как московские временщики и предатели тайно готовились отдать остров Японии, так же, как незадолго до этого колоссальный по размеру континентальный шельф Берингова моря отдали США, а русский город-герой Севастополь – Украине.

– Будь другом, сделай это для меня, – попросила моя приятельница. – Сама я не могу без слез думать о Луке, и если снова погружусь в воспоминания о тех днях, то не уверена, что захочу дальше жить, когда его уже нет на свете... Кроме того, мои записи довольно сумбурные и часто чересчур эмоциональные, поэтому я не хочу, чтобы они были опубликованы без литературной обработки.

Разумеется, я выполнил ее просьбу и теперь надеюсь, что память об этом, простом и надежном, как АК-47, русском парне уже никогда не канет в Лету.

(г. Новосибирск, Академгородок, январь, 2019 г.)

Стройотряд

Как-то в школе на уроке русского языка нам дали задание написать сочинение на тему, кем бы мы хотели стать, когда повзрослеем. Потом это все вслух зачитывалось. Мальчишки – кто бы сомневался! – хотели стать военными летчиками, милиционерами, пожарными, моряками, космонавтами и геологами-первопроходцами. Девочки представляли себя в роли известных артисток, балерин, врачей, художников, музыкантов и парикмахеров. Признаться, мечты парней мне нравились куда больше. Правда, я безумно люблю танцевать и была бы не прочь превратиться в знаменитую оперную певицу. Но с моими-то кривыми ногами и большим носом...

«Балерины рано ложатся!» – в моей голове часто звучит скороговорка, которую придумала однажды моя мама, видимо, желая внушить мне, своей пятилетней дочери, что если я хочу стать балериной, то надо обязательно ложиться вовремя. То есть до того, как по телевизору начнется какой-нибудь из ее любимых, бесконечных и таких же нудных, как прямая Евклида, сериалов вроде «Санта-Барбары» или «Богатые тоже плачут». Если очень быстро и долго повторять эту скороговорку, то у тебя обязательно в итоге получится: «Балерины рано ложатся». Дико смешно – умереть не встать!

Когда училка зачитывала мое сочинение, почти все откровенно зевали.

– Журавлева, ну ты отмочила! – восхищенно прошептал мне в ухо сосед по парте Димка Ершов.

И он был единственный из всего класса, кто меня тогда понял. Отец Димки нередко брал его с собой в поселок Краснообск в гости к своему близкому другу, изобретателю первого в мире гравилета, Виктору Гребенникову. Именно его научные труды я собиралась использовать при создании своего собственного космического аппарата. Димка мне тогда все уши прожужжал про летающую антигравитационную платформу дяди Вити. Вместе со своим отцом парень собирался воспроизвести ее у себя на даче следующим летом, втайне от мамы и еще какого-то непонятного, но, по-видимому, ужасно злого и всемогущего КГБ.

В школьном сочинении я написала о том, что обязательно стану большим ученым и создам космический двигатель, основанный на еще неизвестных науке физических принципах. Что я докажу возможность сверхсветовых перемещений с учетом новых знаний об истинных пространствах, геометрию которых мне удастся открыть. Когда это произойдет, всем сразу станет очевидно, что геометрия Лобачевского – лишь частный случай Большой Общей Теории n -мерного множества квазипараллельных пространств Журавлевой (КПЖ).

Ну и конечно, в своей письменной работе я упомянула труды Виктора Гребенникова. Изучая однажды под микроскопом необычайно сложную ячеистую структуру пластинок хитинового покрова жуков некоего вида, он собирался положить одну из них на другую, точно такую же. Неожиданно пластинка вырвалась из его пинцета и зависла в воздухе... Так был открыт неизвестный доселе эффект природной антигравитации (ЭПА), используемый этими жуками. Я писала, что собираюсь применить открытый и описанный Гребенниковым эффект полостных структур (ЭПС) в своем корабле для защиты космонавтов от огромных перегрузок, которые будут возникать при разгоне до близсветовых скоростей. Я тогда не стала уточнять, что хочу построить космический корабль только для того, чтобы втайне ото всех в какое-нибудь прекрасное утро совершенно одной, ну или, может быть, с Димкой Ершовым, навсегда улететь с Земли. Мы бы отправились на поиски далекой Звезды, вокруг которой кружится Прекрасная Планета, где совсем нет людей. Именно поэтому там испокон веков царят мир и спокойствие, а в лексиконе местных обитателей отсутствуют такие понятия, как война, агрессия, зависть и жестокость.

Став взрослее и поступив на физфак НГУ, я, конечно, оставила в прошлом свои наивные детские фантазии о постройке космического корабля. Хуже того, я окончательно смирилась с тем, что Прекрасная Планета так и останется для меня недосыгаемой. Теперь мне просто хотелось поселиться и найти работу где-нибудь на краю земли на забытой богом и, главное, людьми метеорологической станции, где на тысячи километров вокруг простираются вечные полярные льды. И чтобы нигде ни единой живой души! Или еще лучше – стать смотрителем маяка. Маяк этот должен был находиться на необитаемом острове посреди океана. И если бы на горизонте вдруг появился заблудший корабль – особенно, если это корабль какого-то дрянного сказочного принца под своими вечно-алыми парусами, – я бы послала ему короткий световой сигнал всего из трех предложений: «Эй, там, на борту! Держитесь от моего острова подальше, если не хотите переломать все кости. Здесь повсюду лишь подводные рифы и скалы и нет ни одного прохода для вашей грязной посуды». Что самое удивительное, моя мечта пожить на острове, где есть с маяк, однажды исполнилась.

После окончания второго курса я собиралась поехать в составе студенческого стройотряда на Камчатку, заниматься там обработкой рыбы. Скорее всего, именно так бы все и произошло, если бы не моя одноклассница и самая близкая подруга Вика Рубинова. У нее есть парень Илья, учившийся тогда на четвертом курсе в НЭТИ. Он предложил Вике место в его стройотряде, который в конце лета должен был отправиться на Курильские острова. Вика рассказала мне про эту идею и попросила совета, куда ей все-таки лучше поехать: на Камчатку или на Курилы. Конечно, она могла бы и не интересоваться моим мнением. Но Вика у нас такая. Она любит советоваться, особенно с парнями, хотя в итоге всегда все делает по-своему. Я иногда даже думаю, что это сознательный психологический ход с ее стороны. Парням ведь страшно нравится, когда девушки обращаются к ним с какой-нибудь не слишком замысловатой просьбой, тем более, такие красивые, как моя Вика. С Викторией вообще все очень сложно и одновременно – просто. Если бы я хорошо разбиралась в психологии, то обязательно бы написала про нее целую книжку – все бы зачитывались. Уж я-то знаю!

– На Камчатку наши каждый год ездят, и она от нас никуда не денется, – начала я ее убеждать. – А Курилы вообще, говорят, скоро японцам отдадут; они там понаставят свои военные базы и никого к себе не будут пускать. Однозначно нужно ехать на Курилы, пока есть такая возможность.

– Я и сама так думаю, но родители меня активно отговаривают. Они сильно переживают, что там сейчас беспокойно; в смысле сейсмическая активность большая, страшное захолустье, куча всякого непонятного народу. Ну и все такое.

– Вика, – торжественно говорю я, – тебе в феврале стукнуло девятнадцать. Еще немного, и наша молодость окончательно пройдет: на следующий год тебе и мне будет по целых двадцать лет! Твой Илья утверждает, что в Средние века в Европе женщины в тридцать считались уже глубокими старухами. Поэтому, если что, умрешь молодой и красивой.

– Мммдяя, увидеть Курилы – и умереть... Как это должно быть романтично! – томным голосом произнесла Вика и вдруг предложила:

– Анют, а ты не хочешь со мной? Раз мне все одно помирать, так уж лучше за компанию вместе со своей самой близкой подругой.

– Ой, Вика, я была бы просто счастлива! – запрыгала я от радости. – Но разве это возможно?

– Не парься. Илья все уладит, – легкомысленно улыбнулась Вика.

И ее Илья действительно все уладил. В конце июля мы всей нашей дружной развеселой студенческой толпой уже мчались на поезде Новосибирск – Владивосток. Из Владика был короткий перелет до Южно-Сахалинска, затем – переезд в порт города Корсаков, откуда ночью мы на маленьком парходике отчалили в сторону островов Малой Курильской гряды.

Почти все время нашего небольшого плавания море сильно штормило. Бедный кораблик нещадно болтало, поэтому лишь пару раз я отважилась выбраться на палубу. Долго находиться там было совершенно невозможно: холодные порывы ветра и ледяные брызги стогнали всех зеваяк обратно в трюм. Я воспринимала непогоду как личную обиду. Это было мое первое в жизни плавание на настоящем корабле по великому Тихому океану. Так хотелось медитировать, глядя на уходящие за горизонт волны, вдыхать полной грудью терпкий морской воздух. А вместо этого пришлось торчать в каюте и, лежа на койке, дремать под непрерывную болтанку – вверх и вниз, вверх и вниз.

Погода сменилась лишь тогда, когда под крики чаек и сопровождаемые стайкой дружелюбных дельфинов мы вошли в Малокуруильскую бухту. Все пассажиры, утомленные качкой, оживленно высыпали на палубу. Нам открылся восхитительный вид на остров. На небе не было ни единой тучи. Водная гладь большой бухты была спокойна и сверкала в лучах солнца, стоявшего в зените. На левой стороне бухты располагалась база пограничников, где у причала я насчитала пару военных катеров и одно белоснежное японское кавасаки, конфискованное у японских браконьеров. Как я впоследствии узнала, эти рыболовные шхуны пограничники потом за вознаграждение возвращали бывшим владельцам.

Мы причалили прямо к пристани: бухта здесь очень глубокая, на всех остальных островах корабли вынуждены бросать якоря на большом удалении от берега. На земле нас уже встречало местное начальство, видимо, радостно потирая руки, подобно американским работникам, встречающим переполненные суда с африканскими рабами. Что ж, по своей сути почти так оно и было.

Нас расселили в одноэтажных бараках, располагавшихся неподалеку от рыбоконсервного завода на небольшой сопке. Мальчиков и девочек разместили отдельно по двум баракам. Там был еще и третий, но его под завязку набили наемными рабочими. Они приехали сюда с самых разных уголков Советского Союза, который к тому времени уже безнадежно разошелся по всем своим пятнадцати швам. Мы с Викой разместились в одной комнате. Каким-то чудом к нам больше никого не подселили, хотя во всех остальных комнатах было по четыре человека. Но чему тут удивляться – Вика вообще по жизни необыкновенно везучая. Не то что я.

Сейчас, всего лишь полгода спустя после тех незабываемых приключений, что мне пришлось пережить на этом крошечном и прекрасном острове, я с трудом вспоминаю скучные подробности, относящиеся к работе на консервном заводике. Хотя большая часть моего пребывания на Шикотане прошла именно в этом убогом месте, где нам приходилось работать и ночью, и днем в две смены, иногда по 10 часов в сутки, с редкими выходными.

Нас с Викторией определили в бригаду разделки. Всю рабочую смену мы с другими девчонками стояли по обеим сторонам длинного железного стола и непрерывно, как бездушные автоматы, потрошили дохлую сайру, а затем кидали тушки в желоб, находившийся посреди стола. Дальше тушки своим ходом под струей воды стекали вниз в другой желоб, который вел в варочный цех. За нашим столом желоб делал резкий поворот на девяносто градусов. На нем все время происходили заторы. Быстро скапливающаяся гора рыбы переваливала через края желоба и падала на каменный пол. Поэтому у поворота поставили Изю Рабиновича, друга и одноклассника Ильи. Он держал деревянное весло и проталкивал им непослушную сайру, чтобы она там не скапливалась. Все мы быстро насквозь пропитались противным рыбным запахом, который невозможно было смыть с себя в душе после смены. Впрочем, уже через неделю мы настолько к нему привыкли, что вовсе перестали замечать; даже Вика, ненавидящая сырую рыбу, уже брезгливо не морщилась. Человек вообще быстро ко всему привыкает.

Островитяне мужского пола всех возрастов, похоже, только и ждали, когда привезут очередную партию студентов. На следующий же день в наши бараки началось настоящее паломничество. В целом, местное население, с которым мне пришлось столкнуться, оказалось вполне сносным и не слишком навязчивым. Правда, как, впрочем, и везде, порой попадались и пол-

ные отморозки. Илья однажды рассказал нам с Викой о позднем визите в его барак какого-то огромного роста сержанта-контрактника с местной погранзаставы, настолько пьяного, что он едва держался на ногах. Контрактник почему-то решил, что Илья тут самый главный сутенер и долго уговаривал дать ему на ночь «телку» за два ящика красной икры и мешок красной рыбы. После целого часа безрезультатных переговоров незваный гость наконец отстал и поперся в поселок. Илья решил его проводить, чтобы убедиться, что тот вдруг не вернется и не вломится в наш женский барак. На одной из улочек Малокурильска контрактник подошел к окну жилого барака и постучался в окошко:

– Нина, открой!

Из темноты раздался сонный женский голос, призывающий его идти куда подальше. Контрактник, однако, зашел в коридор и остановился перед дверью, где жила эта Нина. Даже не пытаясь постучать, он просто надавил на дверь, и та вместе с вырванными петлями плашмя грохнулась на пол. Илья, который стоял в коридоре, увидел, как в темноте с койки вскочила молодая женщина в одной белой сорочке. Контрактник схватил ее обеими руками за талию и повалил на пол. Опасаясь грубо вмешиваться в чужую личную жизнь, Илья постучал в дверь, расположенную напротив. Оттуда вышел мужчина средних лет, с бородкой и в маленьких круглых очках. Илья узнал в нем инженера с нашего завода.

– Вы не знаете этого товарища? – показал Илья на контрактника, который вяло боролся с несчастной дамой своего сердца. – Как-то он не очень вежливо постучался...

Инженер посмотрел на них через выломанный дверной проем и лишь досадливо махнул рукой:

– Все нормально, парень. Не в первый раз. Иди спать. Сами разберутся.

Во всей этой истории Илью больше всего поразил факт падения двери от одного несильного толчка. Он разузнал потом, как такое могло произойти. Оказалось, что местный сырой климат очень благоприятен для мелких древесных жучков, которые за многие годы превратили деревянные постройки острова в настоящую труху. Бывали случаи, когда в жилых домах рушились перекрытия вторых этажей, и люди буквально падали на головы соседей, живущих под ними. Наши бараки были одноэтажными – хотя бы это немного утешало. После случившегося я всерьез опасалась, что на меня обрушится потолок вместе с крышей. Да и Вика переживала не меньше.

– Давай, Анют, – сказала она мне несколько дней спустя, – мы с тобой завещания на всякий случай напишем. Мало ли что. Если потолок вдруг на нас рухнет, то будет уже поздно.

– Давай, – говорю. – Когда будем писать?

– Сегодня вечером после смены. Заодно позовем наших мальчиков для моральной поддержки, если ты не против.

– Отлично! – сказала я. – Правда, у меня нет ничего такого ценного, и я совершенно не знаю, что и кому оставить после своей трагической гибели.

– У меня тоже нет ничего, – сказала Вика. – Но это и не главное. Напишем, что мы всех любим и не хотим никого винить в нашей смерти.

Вика молодец! Всегда найдет правильный выход в сложной ситуации. Когда тебя терзает какой-то страх, нет ничего лучше, чем обратить все в шутку, чтобы от него избавиться. Мне бы ее находчивость.

Сказано – сделано. В тот же вечер у нас в комнате собралась вся наша дружеская тусовка. Кроме меня и Вики, были еще Илья, Изя да один местный паренек по кличке Луха, с которым они недавно подружились. Луха учился в Южно-Сахалинске, а летние каникулы проводил дома. На мой взгляд, он был нереально красив: выше среднего роста, крепко сложенный, с мужественным лицом, голубоглазый и со светлыми волосами. Мне бросились в глаза его большие руки, поэтому я удивилась, когда он начал играть на гитаре, которую принес с собой, – казалось, что такими крупными пальцами невозможно зажимать струны на ладах.

Стол мы с Викой предусмотрительно накрыли заранее. Хотя «накрыли» – это звучит слишком громко. Шиковать особо не приходилось. Хлеб, консервы из сайры и морской капусты, черный чай – вот и все деликатесы.

Когда мы расселись, Луха неожиданно достал откуда-то из-за пазухи бутылку водки и водрузил ее посреди стола. Меня это покорило. Я физически не выношу пьяных. Но потом он запел песню «Осень» группы «ДДТ», и я позабыла обо всем на свете.

Что такое осень – это небо,
Плачущее небо под ногами.
В лужах разлетаются птицы с облаками.
Осень, я давно с тобою не был.
В лужах разлетаются птицы с облаками.
Осень, я давно с тобою не был...

Осень, в небе жгут корабли.
Осень, мне бы прочь от земли.
Там, где в море тонет печаль,
Осень – темная даль.

Что такое осень – это камни,
Верность над чернеющей Невою.
Осень вновь напомнила душе о самом главном,
Осень, я опять лишен покоя.
Осень вновь напомнила душе о самом главном,
Осень, я опять лишен покоя.

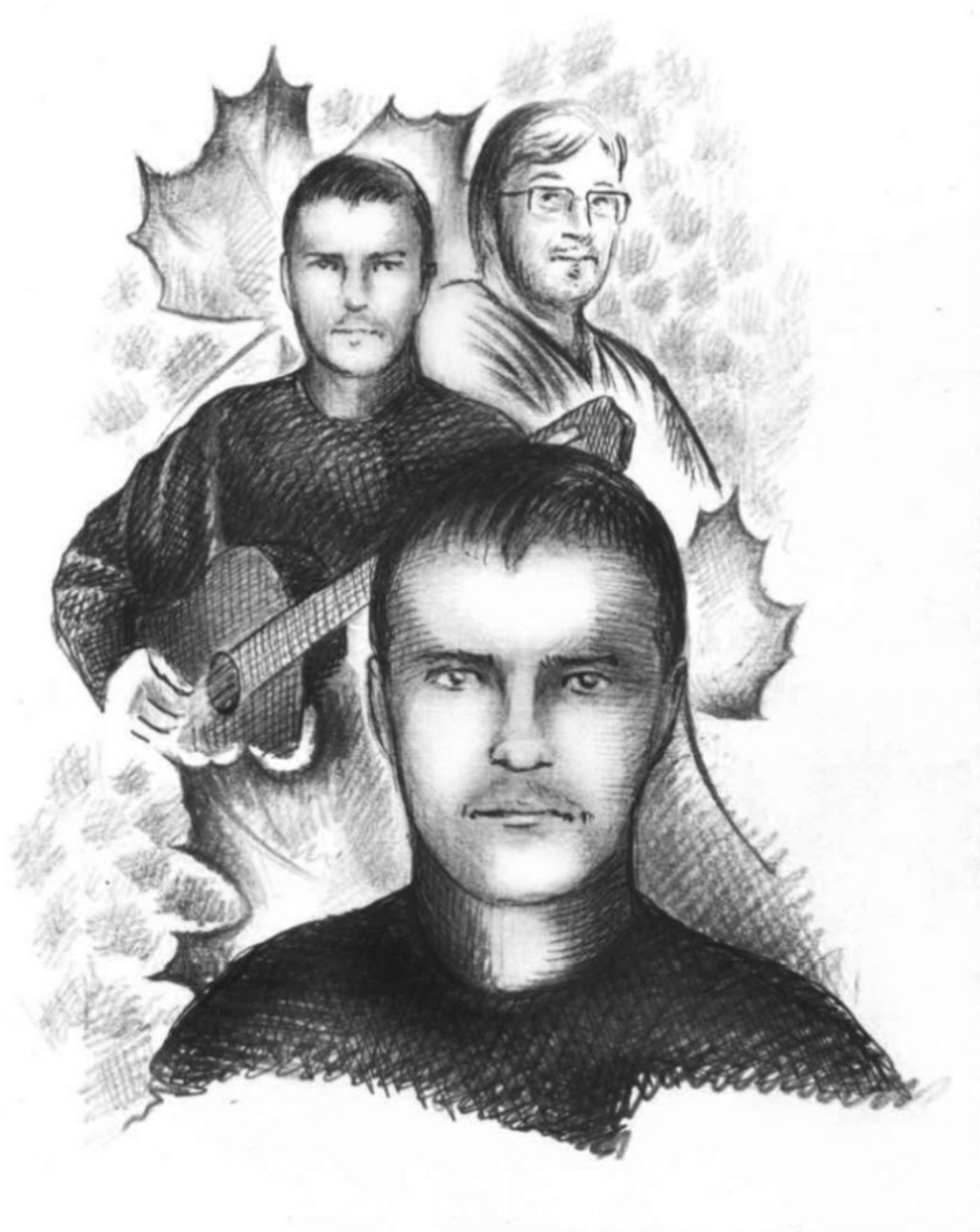
Осень, в небе жгут корабли.
Осень, мне бы прочь от земли.
Там, где в море тонет печаль,
Осень – темная даль.

Что такое осень – это ветер
Вновь играет рваными цепями.
Осень, доползем ли, долетим ли до ответа,
Что же будет с Родиной и с нами?
Осень, доползем ли, долетим ли до рассвета?
Осень, что же будет завтра с нами?

Осень, в небе жгут корабли.
Осень, мне бы прочь от земли.
Там, где в море тонет печаль,
Осень – темная даль.

Тает стаям город во мгле,
Осень, что я знал о тебе?
Сколько будет рваться листва,
Осень вечно права.

Во время пения я почувствовала, что здоровая мужская энергетика Лухи просто зашкаливала. Он едва заметно картавил, но ему это даже шло. «Абсолютно уверена, отбоя у тебя нет от красивых девушек...» – помню, с грустью тогда подумала я.

Песня «Осень» тогда только-только появилась, и ее сразу запела вся страна. Она раздавалась из проезжающих машин, из окон домов, из бесчисленных кассетных магнитофонов. Ее непрерывно крутили по радио и по ящику.

Будущие поколения никогда не смогут понять то, что чувствовали в лихие девяностые мы, бывшие советские граждане, слушая эту новую песню Юрия Шевчука и его рок-группы «ДДТ». Еще совсем недавно великий и могучий СССР неожиданно рухнул как карточный домик. Наши прежние идеалы были в одночасье подло преданы теми же самыми людьми, которые нам их годами вдалбливали с самого раннего детства. В каждом из нас умер маленький Владимир Ильич Ленин. Бесчисленная болотная нечисть всех мастей выползла на свет и начала править свой сатанинский капиталистический бал на руинах великих надежд на светлое коммунистическое завтра. Невозможность честно зарабатывать на кусок хлеба, чтобы прокормить себя и свою семью, крушение планов на будущее, ощущение полнейшей безнадёги и потеря точки опоры заставили многих людей пуститься во все тяжкие. Сильные и здоровые мужики спивались, школьные учителя становились барыгами. Девушки массово шли на панель, а парни в бандиты. В умах молодых людей произошла полная подмена понятий. Проститутки романтично стали называть ночными бабочками, а гнусных, не знающих жалости убийц, – киллерами.

Но люди всегда остаются людьми и не хотят расставаться с верой, что рано или поздно все изменится к лучшему. Перед самым отъездом из Академгородка я заметила, что на перекрестке Морского проспекта и моей родной улицы Терешковой появился большой транспарант с надписью: «Не угасайте духом!». И вот теперь новая песня Шевчука стала таким же жизнеутверждающим лозунгом, но уже в масштабах всей нашей необъятной Родины. В ее задушевных красочных ритмах мне слышалась и жгучая боль от царящей повсюду разрухи, и светлая вера в неизбежное скорое возрождение.

– Давайте зажжем свечи и будем читать стихи, – предложила Вика, когда Луха смолк. Петь под гитару она не умела, но принять активное участие в творческом вечере ей тоже явно очень хотелось.

– Инициатива наказуема, так что ты будешь первая, – сказал Изя. – Только, если это про любовь, то не очень долго, пожалуйста, – попросил он с нескрываемым ехидством в голосе.

– Изя, я тебя когда-нибудь убью! – Вика метнула на него яростный взгляд.

Изя тут же хотел что-то ответить, но Илья быстро прижал ему свой указательный палец к губам и отрицательно помотал головой. С Викой иногда лучше не шутить.

Среди наших не бог весть каких больших запасов нашлось аж целых пять свечей. Мы их расставили на столике и зажгли. Потушили верхний свет, и убогая комнатуха сразу же погрузилась в романтический полумрак. Вика начала читать стихи, в которых я правильно угадала неподражаемый и загадочный стиль Арсения Тарковского:

Я надену кольцо из железа,
Подтяну поясок и пойду на восток.
Бей, таежник, меня из обреза,
Жахни в сердце, браток, положи под кусток.
Схорони меня, друг, под осиной
И лицо мне прикрой придорожной парчой,
Чтобы пахло мне душистой овчиной,
Восковою свечой и медвежьей мочой.
Сам себя потерял я в России...

Вика читала с чувством, красиво, смакуя каждое слово. Когда она замолчала, я заметила, что глаза ее увлажнились. Изя задумчиво начал вертеть стакан, а Луха отставил в сторону

гитару, облокотился на стол и прикусил большой палец. Вот так всегда. Парни, которые Вику плохо знают, думают, что такие красивые девушки по определению должны быть легкомысленными, а если чем-то и увлекаются, то лишь какой-нибудь дешевой попсытиной.

– Я тоже могу прочитать один стих, – сказал Илья. – Но честно предупреждаю, он будет с матами.

– Фу, Илья, при нас с Анютой не смей! – возмутилась Вика.

Я удивленно посмотрела на Илью. Ни разу не слышала, чтобы он матерился. Тем более при Вике...

– Девочка моя, поверь старому и мудрому еврею, матюги очень разные бывают. Наверное, это какие-то особые матюгальники, – light version – специально предназначенные для употребления при дамах и в приличном обществе, – предположил Изя.

– Вик, эти стихи называются «Два танкиста»; их написала восемнадцатилетняя девушка, – не обращая никакого внимания на Изю, сказал Илья. – Ее любимого человека, выпускника военного училища, убили в Чечне... Она захотела понять, за что он умер. Устроилась военным репортером и поехала в Чечню, где сразу полезла на передовую, в самое пекло. Кстати, ее тоже зовут Вика, Вика Скайнова.

– Ну, если так... Читай, конечно. Мне даже самой теперь интересно стало, – великодушно разрешила за нас обеих Вика.

Илья встал, подошел к окну и какое-то время молча смотрел в темноту ночи. Потом начал читать.

Два танкиста

Нас было трое... Витька... тот...
почти что сразу...
Лишь прохрипел: "Вот, блин, не прет...
ведь до приказу..."

Под Новый год... такая хня...
как есть – непруха.
Сполна плеснула нам Чечня!
в бочину... "мухой"...

Жгут затаянул... держись, земляк...
помогут в роте...
На лоскуте висит ступня
ошметком плоти...

А чичи, сука, взяли след,
как свора гончих...
– Не оставляй меня, Паштет...
уж лучше кончи...

А я несую сплошную муть:
– Не ссы, товарищ...
Про Новый год, мол, не забудь,
мол, че подаришь...

На горб взвалил и побежал...

тут – или-или...
И как влупили тут по нам...
Как, ****ь, влупили!

Аж в пятки рухнулась душа –
какая смелость?!
Ах, как бежал я! Как бежал...
Как жить хотелось...

Мне до сих пор –
все тот же сон
полночной мукой...
Те двести метров... я и он...
как вши под лупой...

– Дошли, Серега! Все пучком!..
Перевернули...
Три пули по спине рядком...
МОИ, ****ь, ПУЛИ!

Ну да – война... ну да – в бою...
но... кто ответит...
Он жизнь мне подарил свою...
Как жить-то с этим?..

–

И Пашка водки нацедил,
Чуть пролил даже...
И молча выпила я с ним.
А че тут скажешь...

Повисла гробовая тишина. Пламя свечей дрожало, отбрасывая причудливые тени. Глаза моих друзей как-то странно блестели. Я поняла вдруг, что у всех навернулись слезы. Я и сама чуть не ревела.

– Ребят, давайте за них выпьем, – подал голос Изя.

Он нацедил всем в чайные стаканы немного водки, и мы выпили молча, не чокаясь, за Пашку, Витьку, Серегу и ту отважную девушку...

В соседнем бараке, где обитала мужская часть стройотряда, ярко горели все окна. Оттуда доносились шум и смех. А мы нашей маленькой компанией находились словно на другой планете. Так какой-нибудь звездной тихой ночью мимо деревни, расположенной на берегу реки, проплывает прогулочный корабль. Он весь освещен яркими разноцветными огнями; на верхней палубе под громкую музыку танцуют отдыхающие. В обнимку у бортика стоят молодые пары. Кто-то курит, равнодушно глядя, как за бортом медленно уплывают вдаль темные дома. Потом бросает тлеющий окурочок в воду и снова присоединяется к танцующим, не оставив в своей памяти и следа о забытой богом и людьми неизвестной маленькой деревушке...

Потом Изя решил разрядить обстановку. У него это любимое занятие. Всегда только и делает, что везде ее разряжает. Особенно, когда рядом Вика... Изя достал записную книжечку, с которой, как я вскоре поняла, он никогда не расставался, и его понесло.

– Вашему вниманию представляется Николай Глазков, советский Омар Хайям. Ну, вы-то, конечно, про него ничего не знаете, – надменно произнес Изя и начал читать.

***

А вы бы могли бы
Постичь изречение:
Лишь дохлые рыбы
Плывут по течению!

***

Трудно в мире подлунном
Брать быка за рога.
Надо быть очень умным,
Чтоб сыграть дурака.

***

Из рюмочек хрустальных и стеклянных
Я коньяки и вина часто пью,
Но не люблю, не уважаю пьяных,
А трезвенников – тоже не люблю!

* * *

Мне говорят, что "Окна ТАСС"
Моих стихов полезнее.
Полезен также унитаз,
Но это не поэзия.

* * *

Сам себе заехать в рожу
Я могу, а плюнуть – нет!
И стихов писать не брошу,
Потому что я поэт!

***

Я иду по улице:
Мир перед глазами.
И стихи стихуются
Совершенно сами.

***

Плывет луна за мной, как карась,
не пльви, луна, отвяжись.
Разве знаешь ты, сколько раз
начинал я новую жизнь?

***

Покуда карты не раскрыты,
играй в свои миры.
И у разбитого корыта

найдешь конец игры.

И, утомленный неборьбой,
посмотришь на ландшафт
и станешь пить с самим собой
стихи на брудершафт.

***

Я на мир взираю из-под столика.
Век двадцатый – век необычайный.
Чем столетье интересней для историка,
Тем для современника печальней.

***

Шебуршит колючий снег.
В стуже и во мраке
мерзнет бедный человек –
лучший друг собаки».

***

И неприятности любви
в лесу забавны и милы –
ее кусали муравьи,
меня кусали комары».

– Изя, остановись! – замахала руками Вика. – Ты нам весь траурный вечер испортил. Как мы с Анюткой теперь завещания будем писать? Никакого настроения уже нет!

Я решила помочь Вике остановить разошедшегося не на шутку Изю и попросила передать мне гитару.

– Раз уж, ты, Изя, стал пропагандировать Глазкова, я спою одну песню на его стихи, – сказала я и объявила:

– «Песня о птицах», музыка моя, слова никому не известного здесь автора. Называть имя даже и не буду, потому что оно вам все равно, конечно, неизвестно... – не удержалась я от язвительно реверанса в сторону Изю.

– Так его, Анютка! – довольно захихикала Вика.

Я взяла первые аккорды, немного подстроила гитару и начала петь.

Песня о птицах

Печальной будет эта песня
О том, как птицы прилетали,
А в них охотники стреляли
И убивали птиц небесных.

А птицы падали на землю
И умирали в час печали,
А в них охотники стреляли
Для развлечения и веселья.

А птицы знали-понимали,
Что означает каждый выстрел,
Но неизменно прилетали
К родной тайге у речки быстрой.

И не могли не возвратиться
К родимой северной округе,
И песни горестной разлуки
Весной веселой пели птицы.

А в них охотники стреляли
И попадали в птиц, не целясь,
И песню скорби и печали
Весной веселой птицы пели.

Когда отзвучал последний аккорд, я протянула гитару Лухе, но он наотрез отказался ее брать и попросил меня спеть что-нибудь еще. И тут раздался стук в окно. Оказывается, на улице напротив нашей комнаты уже стояло несколько человек. Они попросили, чтобы я вышла и пела для всех. Ребята были не против. Мы вышли. Между двумя бараками быстро соорудили небольшой костерок, вокруг которого все столпились. Я подобралась поближе к костру и снова взяла Лухину гитару в руки. Настроение у меня было на редкость светлое. Я уже распелась, и поэтому мой голос зазвучал в полную силу.

Я долгое время мечтала стать оперной певицей. Мне не раз говорили, что голос у меня как у великой Марии Каллас, с которой я всегда чувствовала какую-то странную связь. Удивительно, но мы обе с ней родились в один и тот же день – второго декабря. Ну и намучилась же я со своим голосом, прежде чем его правильно поставить...

Окончив школу, я сразу не могла окончательно определиться, чего больше хочу – заниматься наукой или петь в опере, поэтому стала поступать сразу и на физический факультет НГУ, и в нашу Новосибирскую консерваторию. Я решила, что окончательный выбор сделаю после вступительных испытаний. При этом была на сто процентов уверена: в консу меня возьмут с руками-ногами, а вот на физический факультет – вряд ли, поскольку, как я слышала от кого-то, девушек там валят на экзаменах просто из принципа. Все произошло ровным счетом наоборот. При поступлении в универ я легко набрала 15 баллов из 15 возможных. А накануне экзаменов на вокальное отделение у меня неожиданно сильно заболело горло и голос слегка подсел. Экзаменаторша, некая Диденко, без обиняков заявила, что мой потолок – петь колыбельные. Пришлось забросить в самый дальний ящик свои детские мечты об оперной сцене и удовлетвориться пением в хоре НГУ.

В тот вечер я спела пару песен Визбора и что-то из репертуара Далиды и Джо Дассена. Потом гитара пошла по кругу. Наверное, мы просидели бы так у костра всю ночь напролет, если бы вскоре после полуночи в нашем женском бараке не открылась форточка, откуда высунулась голова какой-то пьяной девахи. Прокуренным голосом, подкрепляя краткую речь самым отборным матом, она прозрачно намекнула всем, что завтра с утра на работу, и пора бы уже, наконец, разойтись. Что ж, трудно было не признать ее правоту: утром начиналась наша смена, а работу еще никто не отменял.

Костер уже почти догорел. Только красные угли таинственно перемигивались с мириадами звезд над нашими головами... Я перестала играть и нехотя встала на слегка затекшие ноги. Кто-то взял гитару из моих рук. Я подняла глаза. Передо мной стоял Луха. Он смотрел на меня уже совсем иначе. Каким-то внутренним женским чувством я поняла, что поднялась в его глазах совсем на другую ступень – ту, что отделяет девушку в глазах мужчины от про-

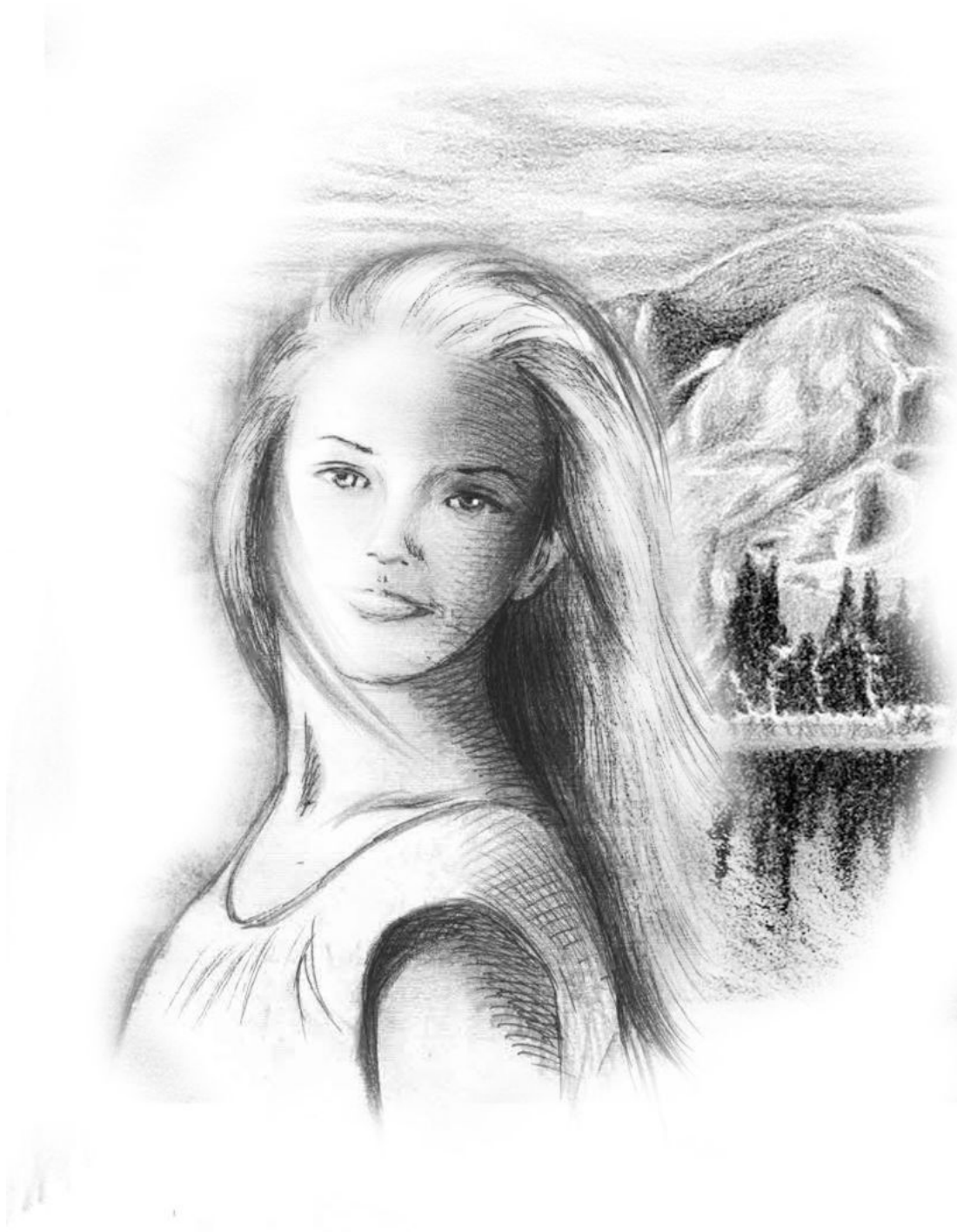
чих друзей и знакомых. И мне это нравилось. Я была одинока. С парнями у меня никогда не складывалось. Во-первых, я всегда считала себя некрасивой. А во-вторых, мать моя с раннего детства внушала мне, что для девочки даже просто общаться с парнями – это предосудительно. Я удивлялась, как мои сверстницы легко находят общий язык с мальчиками, которые казались мне существами совсем другого мира. Увы, научиться у своих подруг такой же легкости я не могла. Во время учебного года все мое свободное время уходило на занятия музыкой. А на летних каникулах я или работала на даче, или ходила с матерью в туристические горные походы, участники которых были в основном мамины ровесниками.

Анна

Только после школы, когда я поступила на первый курс физического факультета, удача мне улыбнулась в лице моей ослепительной одногруппницы Вики Рубиновой. Она, наверно, и не догадывается, как меня восхищает ее поразительное умение нравиться парням, сохраняя при этом вокруг себя определенную дистанцию. Я обожаю наблюдать ее флирт – самый пря-

ный и сочный из всех, какой только может быть, но едва уловимый, заканчивающийся задолго до той грани, что отделяет порядочность от распущенности. Все это можно охарактеризовать одним словом – ЖЕНСТВЕННОСТЬ. Черта, которой мне всегда страшно не доставало...

Солнечная Вика

Общение с Викторией дало свои плоды. Ее потрясающая эмоциональность и свобода разбудили тайные струны в моей одинокой душе. Пусть я до сих пор в отношениях с мужчинами веду себя слишком зажато и даже подчас дико, но тогда, ночью, под пристальным взглядом Лухи я в первый раз в жизни почувствовала себя настоящей Женщиной – такой, какой она и должна быть всегда: загадочной и прекрасной. Подобно Золушке, под дымчатым флером волшебной ночи я чудесным образом преобразилась вдруг в прекрасную фею с ангельским голосом. Конечно, потом, с первыми же лучами солнца, этим чарам суждено развеяться, и мой принц увидит при свете яркого дня, что у его принцессы кривые ноги и большой нос, а еще черные усики, которые я никогда не удосуживалась выщипывать. А принцесса увидит, что он это увидит, и запрет все нежные чувства куда-нибудь в дальний и пыльный чулан своего сознания, повесив на дверях большой амбарный замок. А ключ выбросит с самой высокой скалы на самое глубокое дно синего моря. Надо бы не забыть над дверью написать большими печатными буквами: **ОСТАВЬ НАДЕЖДУ ВСЯК СЮДА ВХОДЯЩИЙ**.

Вика взяла меня под руку, и мы пошли к женскому барaku. Наши мальчишки провожали нас до самых дверей. Было уже совсем темно. Холодный ветер, дувший с океана, заставлял ежиться. Луху я не видела, поскольку он шел чуть позади, но тем не менее хорошо чувствовала его близость. Связь, которая неожиданно зародилась между нами в ту ночь, тоненькой, едва заметной серебристой ниточкой соединяла наши сердца. Перед самым входом в барак я остановилась, словно боясь, что захлопнувшаяся за нами дверь порвет эту нить безвозвратно. Меньше всего сейчас мне хотелось проверить ее на прочность.

Весь наш небольшой путь до барака Вика с Изей без умолку о чем-то весело переругивались в своей обычной манере, ставшей для меня уже совершенно привычной. Но в этот раз я не слышала ни одного их слова, настолько была погружена в собственные переживания. Перед тем как войти в чрево длинного тускло освещенного коридора, я посмотрела на Луху и сразу успокоилась. В темноте он возвышался надо мной, как скала, незыблемая и надежная, держа в одной руке свою гитару, а в другой так и недопитую бутылку водки. Одного быстрого взгляда под особым углом мне было достаточно, чтобы убедиться: все мои романтические грезы – не плод разыгравшегося воображения одинокой девушки. С некоторых пор я вижу и знаю гораздо больше, чем могут предположить окружающие меня люди...

Араданский хребет

Это произошло прошлым летом. В июне к моей хорошей приятельнице Аленке Водопьяновой приехал из Магадана ее отец, Владимир Игоревич. Она загорелась сходить вместе с ним на пару недель в какой-нибудь не слишком утомительный горный поход. Я согласилась составить им компанию. После долгих поисков подходящего маршрута наш выбор пал на Арадан. Араданский хребет расположен всего в 50 километрах от кишаших туристами Ергаков. Благодаря внешне менее эффектному рельефу гор и большей труднодоступности, людей в этих местах практически не бывает, что явилось определяющим фактором в нашем выборе. Кроме того, мы там ни разу еще не были и захотелось не упустить возможность еще раз окунуться в атмосферу настоящей весны. В силу климатических условий зима здесь морозная и долгая. Снега по-настоящему начинают таять только в самом конце мая, поэтому лишь ближе к концу июня склоны гор, берега ручьев и хрустально чистых озер покрываются сочной зеленью и бесчисленными цветами.

Поход этот едва не стал для меня последним и полностью изменил всю мою дальнейшую жизнь. Дело было так. В один из дней мы налегке поднялись из нашего лагеря на самую высокую вершину хребта – пик Араданский. Целую неделю до этого без единого перерыва моросил дождь, который вымотал из нас всю душу. А тут в кои-то веки небо было абсолютно чистым. С вершины пика перед нами открылся вид на Ергаки такой грозной красоты, что захватывало дух. Гигантские, черные, как ужас ночи, тучи повисли над цепью величественных гор, расположенных напротив нас. Там, вдалеке над ними, шла мощная гроза. Это было хорошо видно по бешено пронсящимся разрядам молний, которые то и дело озаряли клубящиеся тучи своими ослепительно-яростными вспышками. Апофеозом всего стала двойная радуга. Мы бросились фотографировать происходящую перед нами завораживающую мистерию. А между тем гроза неумолимо приближалась, что чувствовалось по усилившемуся ветру и насыщенному озоном воздуху. Атмосфера наполнилась статическим электричеством. Я посмотрела на прикинувшую к видеискателю своего фотоаппарата Аленку и обомлела: ее длинные темные волосы стояли столбом. Это было настолько противостоестественно, что у меня началась истерика. Аленка обернулась на звук моего гомерического хохота и сразу поняла его причину: мои волосы торчали точно таким же образом. Видимо, от переизбытка кислорода нас обеих охватила дикая эйфория, мы смеялись как сумасшедшие, фотографировали друг друга и веселились точно малые дети. Позади меня находился геодезический триангуляр. В какой-то момент я, потеряв всякую бдительность, прислонилась спиной к его металлическим конструкциям. Делать такое на самой высокой вершине горного хребта во время налетающей сильной грозы – это чистое безумие. Мне до сих пор делается стыдно, когда вспоминаю, как я тогда глупо вляпалась.

Расплата за мое легкомыслие произошла мгновенно: в триангуляр ударила молния. Меня отбросило на крутой склон, и я кубарем покатила вниз. Мне хорошо запомнился этот момент, потому что примерно один такт, состоящий из трех ударов сердца, я еще осознавала, что со мной происходит. ОДИН-ДВА-ТРИ – и мое сердце остановилось. Я решила, что уже навсегда. Не нахожу никаких слов, чтобы передать ощущение безысходной мировой тоски, которая меня в тот момент охватила. Точнее, меня как таковой больше не существовало вовсе

– я и была всецело этой мировой скорбью, заполнившей своей глухой массой всю Вселенную. Наверное, мои слова выглядят как полный бред, но выразить по-другому тогдашние ощущения я не в силах.

Потом наступило освобождение. Я увидела свое тело с высоты. Под плотной стеной ливня оно лежало в неестественной позе, остановленное в своем падении куском скалы, выходящим из склона. С вершины, осторожно передвигаясь по скользким камням и мокрой траве, к нему спускались два человека. В девушке с распущенными, мокрыми от дождя волосами я узнала Аленку. Волосы все время падали прямо на ее покрытое смертельной бледностью лицо, закрывая обзор, и она отводила их руками. В пожилом мужчине я узнала ее отца, Владимира Игоревича.

Добравшись наконец до меня, они стали тормозить мое бездыханное тело. Убедившись, что я не подаю никаких признаков жизни, перевернули на спину, а затем начали делать прямой массаж сердца и искусственное дыхание. Я взирала на их тщетные попытки совершенно равнодушно. Зачем все это? Ведь я не собираюсь возвращаться. Подобно сжатой спирали, которая вдруг неожиданно полностью распрямилась, вся моя жизнь развернулась передо мной, и я не увидела в ней ничего, за что бы хотелось зацепиться. В конце концов мне смертельно надоело смотреть на землю и меня понесло куда-то вверх.

Не знаю, сколько это длилось. Я совершенно перестала ощущать время так, как ощущала на земле. Пожалуй, библейское «все ныне и здесь» правильно передает мое тогдашнее восприятие окружающего мироздания. Не было уже ни прошлого, ни будущего. Вокруг был только Свет, и впереди ждала бесконечная свобода, к которой я безудержно мчалась на всех своих парах. Но меня остановили...

Если бы я могла тогда кричать и чувствовать боль, то от моего негодующего крика содрогнулись, разлетелись бы вдребезги все галактики, а боль от того, что я остановлена на пути к моей единственной Цели, добила бы меня уже окончательно. Но я не могла ни кричать, ни тем более испытывать хоть что-то, отдаленно напоминающее человеческие ощущения. Я просто замерла и увидела перед собой то, что про себя назвала своей смертью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.